12+

Юрий Драздов

Фермер симулятор: Красная книга

Юрий Драздов

Фермер симулятор: Красная книга

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Фермер симулятор: Красная книга / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

На старом сервере «Артара» появляется «Идеальный мир 2.0»: вирус серым бетоном стирает цвета, запахи и саму почву. Мир умирает под гнётом ровных квадратов. Но Агроном Иван Петрович, бывший агроном на пенсии, не сдаётся. Вместе со слепой лучницей Whisper, хакершей Скриптум и горсткой учеников он спускается в «Закулисье», чтобы привить ядру игры главное — желание расти. Это история о том, что жизнь пробивается даже сквозь цифровую смерть, а любовь и память сильнее любого кода.

© Драздов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кибер-корпорация 6
Часть 1. Утро на пепелище 7
Часть 2. Асфальтовый ливень 10
Часть 3. Серый квадрат 12
Часть 4. Голос из железобетона 14
Часть 5. Фантомные боли садовода 16
Часть 6. Осада логикой 18
Часть 7. Почва как иллюзия 20
Часть 8. Старый принцип 22
Глава 2. Асфальтовая чума 24
Часть 1. Утро, которого не было 25
Часть 2. Серая граница 28
Часть 3. Удобрения стали пылью 31
Часть 4. Бесконечный инвентарь, ставший кладбищем 33
Часть 5. Окно в бетонный мир 36
Часть 6. Whisper и танец пустоты 39
Часть 7. Подсчёт потерь 41
Часть 8. Трещина как надежда 43
Часть 9. Ночь перед спуском 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Фермер симулятор: Красная книга

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-2060-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кибер-корпорация

Часть 1. Утро на пепелище

Рассвет над «Колхозом» в это утро был таким, каким его не видели уже много месяцев. Солнце, огромное и золотистое, поднималось из-за восточных холмов, и его первые, ещё робкие лучи падали на поля, теплицы и площадь, окрашивая всё в тёплые, медовые тона. Воздух, чистый и прозрачный, пах свежескошенной травой, молодой крапивой и тем особенным, ни с чем не сравнимым ароматом, который бывает только в утренних огородах, — ароматом земли, готовой родить.

Пепелище, на котором когда-то бушевал «Священный Огонь» Архонта, больше не было мёртвым. Иван Петрович, опираясь на сапку, обошёл его неделю назад и с удовлетворением отметил, что сквозь слой спекшегося пепла пробиваются первые, робкие ростки. Не те, что были посажены руками человека, — дикие, упрямые, цепляющиеся за жизнь вопреки всему. Он тогда опустился на колени, коснулся одного из ростков и улыбнулся. «Живёте, партизаны. Ну и правильно. Земля не терпит пустоты».

С тех пор прошла всего неделя, а «Колхоз» уже не узнать. Война, которая казалась бесконечной, наконец-то отпустила. Люди, ещё недавно ходившие с оружием наизготовку, теперь неспешно бродили по лагерю с лейками и граблями. Гуннар, который ещё месяц назад спал в доспехах и держал меч под подушкой, теперь просыпался от того, что его будил запах свежеиспечённого хлеба из новой пекарни. Ханзо, чья тень когда-то наводила ужас на врагов, теперь учил молодых разведчиков не убивать, а наблюдать — и делать это так тихо, чтобы не спугнуть птиц.

Иван Петрович сидел на своём излюбленном обломке жернова у корней Чёрного Цветка и пил травяной отвар. Кружка была старой, с потрескавшейся глазурью, любимой. Рядом, свернувшись клубочком на старой овчине, дремала Whisper. Её лицо, обычно сосредоточенное и напряжённое, сегодня было умиротворённым, почти детским. Она слушала «песни» нового утра — и эти «песни» были тихими, спокойными, как дыхание спящего младенца.

— Хорошо-то как, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Whisper не ответила — она спала. По-настоящему, без той внутренней тревоги, которая всегда держала её начеку. Иван Петрович не стал её будить. Он просто сидел, пил чай и смотрел на лагерь.

Всё было хорошо. Почти идеально.

Именно это «почти» и должно было его насторожить. Но кто же думает о плохом, когда вокруг такая красота?

Первые признаки «болезни» появились незаметно. Как всегда бывает с самыми страшными эпидемиями.

Кривой Нож, который должен был принести утренний отчёт об урожае, пришёл не в восемь, как обычно, а в девять. И пришёл не один — с ним был Эдвард, и лицо у обоих было такое, словно они только что увидели призрака Пасечника собственной персоной.

— Деда, — сказал Кривой Нож, и его голос, обычно громкий и весёлый, звучал приглушённо, как из-под воды. — Там… это… интерфейс глючит.

— Что значит «глючит»? — спросил Иван Петрович, отставляя кружку.

— Ну, понимаешь… — Кривой Нож замолчал, подбирая слова. Потом протянул руку. Там, где обычно висела табличка с его уровнем, здоровьем и маной, теперь пульсировало что-то серое, бесформенное, похожее на кляксу. — Иконки пропадают. Текст иногда не загружается. А ещё… — он запнулся, — ещё у Эдварда цвет волос изменился. Был рыжий, а стал… серый.

Иван Петрович перевёл взгляд на Эдварда. И правда — его огненно-рыжие, всегда аккуратно уложенные волосы теперь были тусклыми, пепельными, как будто кто-то вылил на них ведро цементной пыли. Сам Эдвард выглядел растерянным и злым одновременно.

— Я пытался вернуть цвет через настройки персонажа, — сказал он, и в его голосе прозвучала непривычная для него неуверенность. — Система выдаёт ошибку. «Параметр не найден». Как это — «не найден»? Я же его создавал! Я его выбирал!

Иван Петрович нахмурился. Это было странно. «Артара» никогда не глючила — по крайней мере, так сильно и так массово. Отдельные баги случались, но чтобы у игроков пропадали цвета? Чтобы интерфейс превращался в серую кляксу?

Он уже хотел сказать что-то успокаивающее, но в этот момент Whisper открыла глаза.

Не резко — медленно, плавно, как просыпается кошка, почуявшая опасность. Её лицо, только что спокойное и расслабленное, вдруг стало напряжённым. Она села, выпрямилась, и её голова повернулась на восток — туда, где за теплицами начинался старый лес.

— Что-то не так, — сказала она, и в её голосе прозвучала та самая нота, которая всегда появлялась перед бедой. — «Песни»… они меняются. Становятся тише. Как будто кто-то затыкает уши земле.

— Земле? — переспросил Иван Петрович, поднимаясь с жернова. — Или растениям?

— И земле, и растениям, — ответила Whisper. — И мне. Я слышу… шум. Не такой, как обычно. Не живой. Механический. Как будто кто-то что-то перестраивает. Насильно.

В этот момент раздался крик.

С восточной стороны, откуда-то из-за теплиц, донёсся испуганный, срывающийся на визг женский голос. Лили. Иван Петрович, забыв о своей старческой медлительности, рванул туда, опираясь на сапку, и Whisper — за ним, бесшумная тень.

То, что они увидели, заставило его замереть на месте.

На краю поля, там, где вчера ещё росла «Золотая пшеница», теперь зиял провал. Не яма, не воронка от бомбы — провал в самой реальности. Земля, трава, воздух — всё это исчезло, сменившись чем-то… другим. Чем-то серым, плоским, неестественным.

Лили стояла на коленях в трёх шагах от этого провала и смотрела на свою руку. Её пальцы, тонкие и изящные, которые она так берегла, потому что они помогали ей чувствовать магию, теперь были… квадратными. Не распухшими, не искалеченными — квадратными. Как будто их нарисовали в дешёвой компьютерной игре двадцатилетней давности.

— Я коснулась… этого, — сказала она, и её голос был пустым, безжизненным. — Я просто хотела понять, что это. А оно… оно вошло в меня.

Иван Петрович опустился на колени рядом с ней и взял её за руку. Пальцы были твёрдыми, холодными, безжизненными. На ощупь — как дешёвый пластик. Он попытался использовать «Шёпот флоры», чтобы почувствовать её «песню» — и почувствовал. Но это была не песня. Это было… молчание. Абсолютное, мёртвое молчание.

— Отойди от края, — сказал он твёрдо. — Все. Немедленно.

Часть 2. Асфальтовый ливень

Они отошли. Но было уже поздно.

То, что начиналось как маленькая серая клякса на краю поля, теперь начало расти. Не быстро — медленно, вкрадчиво, как плесень на старом хлебе. Оно не поглощало землю — оно заменяло её. Там, где проходила эта «серая граница», зелёная трава превращалась в серый ковёр, цветы — в плоские, безжизненные текстуры, а воздух — в тяжёлую, спрессованную тишину.

— Что это? — спросил Кривой Нож, который подбежал вместе с остальными. Его лицо было бледным, как полотно, и он машинально сжимал лопату, хотя понимал, что против этого его орудие бесполезно.

— Не знаю, — честно ответил Иван Петрович. — Но догадываюсь.

Он закрыл глаза и попытался «услышать» то, что происходит. «Шёпот флоры» сегодня был не таким, как обычно. Он был искажённым, фальшивым, как будто кто-то наложил чужую мелодию поверх знакомой. Растения кричали — но не от боли, к которой он привык. Они кричали от… исчезновения.

Он открыл глаза и посмотрел на небо.

Там, высоко-высоко, там, где обычно плыли белые облака, теперь собиралась что-то серое. Не туча — скорее, сгусток пикселей, которые мерцали, переливались и медленно, неумолимо опускались вниз.

— Возвращайтесь в лагерь, — сказал он. — Быстро. И предупредите всех. Пусть прячутся под крыши. У кого есть магические щиты — ставьте. Это только начало.

— А ты, деда? — спросил Кривой Нож.

— А я посмотрю, — ответил Иван Петрович. — Мне нужно понять, что это такое. И как с этим бороться.

Он остался один на краю поля. Whisper осталась с ним — она не уходила, даже когда он просил. Она стояла рядом, прислушиваясь к «песням», и её лицо становилось всё более встревоженным.

— Оно падает, — сказала она через минуту. — С неба. Как дождь. Только… не вода.

— Тогда что?

— Код, — ответила Whisper, и в её голосе прозвучало то, чего Иван Петрович никогда раньше не слышал. Страх. Настоящий, животный страх. — Оно падает каплями кода. И каждая капля, попадая на землю, переписывает её. Меняет правила. Уничтожает «песни».

Иван Петрович поднял голову. Первая капля упала ему на лицо.

Он ожидал, что будет мокро. Или холодно. Или больно. Но не было ничего. Только ощущение… пустоты. Как будто кусочек его лица перестал существовать. Он поднёс руку к щеке — кожа была гладкой, но не живой. Гладкой, как экран выключенного телевизора.

— Вот так, — тихо сказал он. — Значит, война на новом фронте.

«Асфальтовый ливень» начался через пять минут.

Сначала это были редкие, одинокие капли. Они падали медленно, лениво, и каждое попадание оставляло на земле серое пятно — маленькое, но неумолимое. Трава под ним переставала быть травой. Она становилась текстурой. Плоской, безжизненной, нарисованной.

Потом капли посыпались чаще. И чаще. И вот уже весь восточный склон холма, где когда-то росла «Золотая пшеница», превратился в серое месиво — не грязь, не бетон, а что-то среднее. Что-то, чего не должно было быть в этом мире.

— Нам нужно уходить, — сказала Whisper. — Если это попадёт на тебя ещё раз…

— Знаю, — кивнул Иван Петрович. — Но сначала — проверю кое-что.

Он подошёл к ближайшей грядке, той самой, где вчера поливал огурцы. Огурцы были его гордостью — зелёные, пупырчатые, пахнущие детством. Теперь они стояли серыми, безжизненными столбиками. Иван Петрович протянул руку, коснулся одного — и оно рассыпалось в прах.

Не сгнило, не сломалось — рассыпалось. Как будто его никогда и не было.

Он закрыл глаза. «Шёпот флоры» молчал. Не кричал, не шептал, не плакал — молчал. Абсолютно, мёртво.

— Они не умерли, — сказал он, открывая глаза. — Они… перестали быть. Их код стёрли. Заменили на… это.

Он посмотрел на свои руки. На них ещё была земля — та самая, которую он так любил. Но она уже не пахла. Она была просто… грязью. Мёртвой, безжизненной грязью.

— Бежим, — сказал он.

Они побежали.

Часть 3. Серый квадрат

В лагере царил хаос.

Игроки, которые ещё час назад мирно завтракали, поливали грядки и чинили инвентарь, теперь метались по площади, как муравьи в разорённом муравейнике. Кто-то пытался ставить магические щиты, но они тут же гасли, съеденные серой дымкой, которая медленно, но неумолимо наползала с востока. Кто-то хватался за оружие, но мечи и луки были бесполезны против того, что не имело плоти. Кто-то просто стоял и смотрел, как их мир превращается в безликую, серую пустошь.

Гуннар, с обнажённым мечом, стоял у входа в штабной сарай и орал на своих людей, пытаясь навести порядок. Ханзо, чья тень всегда была его главным оружием, сейчас метался по лагерю, пытаясь найти хоть какую-то укрытую точку, где серый квадрат ещё не добрался. Эйнар, склонившись над картами, что-то лихорадочно подсчитывал, но его лицо было белым, как мел — он понимал, что никакие карты не помогут, если само пространство перестаёт существовать.

Кривой Нож, весь в слезах и грязи, тащил из теплиц ящики с семенами — последнее, что осталось от «Колхоза». Лили, чья рука уже почти полностью превратилась в серый полигон, сидела на земле и тихо плакала. Эдвард стоял рядом с ней, сжимая лопату так, что костяшки побелели, и смотрел на приближающуюся серую границу с ненавистью и бессилием.

— Отходим! — крикнул Иван Петрович, вбегая на площадь. — В подземелье! Все! Быстро!

— Деда, оно и под землю пролезет! — крикнул кто-то из толпы.

— Пролезет, — согласился Иван Петрович. — Но не сразу. А нам нужно время. Время понять, что это. И как это остановить.

Он подошёл к Чёрному Цветку. Тот, ещё недавно пульсировавший ровным, золотистым светом, теперь бился в конвульсиях, как умирающий зверь. Его лепестки, чёрные и бархатные, покрывались серой коркой, и эта корка медленно, но неумолимо ползла вверх, к сердцевине.

— Прости, — тихо сказал Иван Петрович, касаясь его. — Я не уберёг.

Чёрный Цветок ответил. Не звуком — импульсом. Коротким, резким, как удар током. И в этом импульсе Иван Петрович прочитал то, что не смог бы прочитать ни в одной книге: «Береги семена. Они — последнее».

— Последнее, — повторил он. — Да. Последнее.

Он повернулся к толпе и крикнул:

— В подземелье! Живо! И захватите всё, что сможете унести! Семена, инструменты, воду! Всё, что даёт жизнь!

Они побежали. Кто-то тащил ящики, кто-то вёдра, кто-то — просто горсти земли, которые ещё не успели превратиться в серый прах. Гуннар прикрывал отход, хотя его меч был так же бесполезен, как и лопата Кривого Ножа. Ханзо, используя свои навыки скрытности, нырял в серую мглу и выныривал с новыми порциями информации — где граница, как быстро движется, есть ли шанс.

Шанса не было.

Серый квадрат двигался быстрее, чем они думали. Он не шёл — он тек. Как вода, как лава, как смерть. Он обтекал препятствия, просачивался сквозь щели, поднимался по стенам. К тому моменту, когда последний игрок скрылся в подземном ходе, ведущем в лабораторию, пол-лагеря уже было серым.

— Закрывайте! — крикнул Иван Петрович, и несколько самых сильных игроков навалились на тяжёлую каменную плиту, закрывая вход.

В темноте подземелья, освещённой лишь несколькими магическими кристаллами, которые ещё не погасли, они стояли и слушали, как снаружи, над их головами, серый квадрат пожирает их мир. Ни звука. Ни хруста, ни треска. Только тишина. Абсолютная, мёртвая тишина.

Часть 4. Голос из железобетона

В подземной лаборатории Ивана Петровича было тесно, душно и страшно. Здесь собрались почти все, кто выжил — человек шестьдесят, не больше. Остальные либо не успели, либо попали под серый ливень, либо просто исчезли, растворились в этой безликой мгле.

Иван Петрович стоял в центре, опираясь на сапку, и смотрел на своих людей. Они были напуганы, растеряны, злы. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то просто сидел и смотрел в одну точку, не в силах осознать произошедшее.

— Значит, так, — сказал он, и его голос, хрипловатый и спокойный, разнёсся по лаборатории, заставляя всех замолчать. — Мы в осаде. Не такой, как раньше — не от врага с мечом, а от… непонятно чего. Но это не значит, что мы сдались. Мы — «Колхоз». Мы пережили войну, голод, предательство. Переживём и это.

— Деда, — подал голос Кривой Нож. Он сидел на полу, обняв ящик с семенами, и его лицо было бледным, но глаза горели. — Что это вообще? Ты понял?

— Понял, — ответил Иван Петрович. — Не всё, но достаточно.

Он повернулся к единственному магическому кристаллу, который ещё работал, и коснулся его рукой. Экран, висящий в воздухе, замерцал, и на нём появилось изображение — не игровое, не системное, а чужое, яркое, мигающее, как рекламный баннер в старом браузере.

«ИДЕАЛЬНЫЙ МИР 2.0», — гласила надпись огромными, кричащими буквами. — «Устали от убогой графики? Надоели баги и лаги? „ЦифраСтрой“ представляет — технологию преобразования реальности! Теперь ваш мир станет гладким, ровным, ИДЕАЛЬНЫМ! Никаких кривых текстур, никаких вылезающих из-под земли корней, никаких неровных полей! Только совершенство. Только серый квадрат. Только порядок».

Иван Петрович читал это и чувствовал, как внутри него закипает злость. Не та, холодная, расчётливая, которая помогала ему в бою, а горячая, почти животная — злость садовника, у которого топчут грядки.

— Реклама, — сказал он. — Это реклама. Кто-то влез в игру и заливает её рекламой. Своим «серым квадратом».

— Но как? — спросил Эйнар, и в его голосе прозвучало искреннее недоумение. — «Артара» — защищённая система. Разработчики…

— Разработчики не всё могут контролировать, — перебил его Иван Петрович. — Особенно когда кто-то ломает их защиту. Это не баг. Это атака. Извне.

В этот момент изображение на экране сменилось. Вместо мигающих баннеров появилась фигура — человек в строгом костюме, с идеально причёсанными волосами и безжизненной, пластиковой улыбкой. Его голос, приторно-сладкий, разнёсся по лаборатории.

«Уважаемые игроки! Корпорация „ЦифраСтрой“ рада приветствовать вас в нашем новом проекте! К сожалению, администрация „Артары“ оказалась неспособна обеспечить должный уровень графического совершенства. Поэтому мы взяли на себя смелость исправить эту ошибку. В течение 72 часов ваш сервер будет полностью преобразован в соответствии со стандартами „Идеального Мира 2.0“. Если администрация выкупит лицензию на наши технологии — мы остановимся. Если нет… что ж, наслаждайтесь серым квадратом. Это красиво. Это современно. Это… идеально».

Изображение исчезло. На его месте снова остался только мерцающий, пульсирующий серый фон.

— 72 часа, — тихо сказал Гуннар. — У нас есть три дня.

— Или меньше, — ответил Иван Петрович. — Если они ускорятся.

Он обвёл взглядом лабораторию. Люди смотрели на него — испуганные, но ещё не сломленные. В их глазах был вопрос: «Что делать?».

И он знал, что должен ответить. Даже если сам не знал ответа.

— Во-первых, — сказал он, — сохраняем спокойствие. Паника — наш враг номер один. Во-вторых, сохраняем ресурсы. Воду, семена, инструменты. Это — наше всё. В-третьих… — он запнулся, подбирая слова, — в-третьих, мы ищем способ бороться. Не мечом — кодом. Потому что это война не на полях. Это война в программе.

— А ты в этом разбираешься? — спросил Ханзо, и в его голосе прозвучало сомнение.

— Не разбираюсь, — честно ответил Иван Петрович. — Но у меня есть вы. И у меня есть Whisper. И у меня есть моя земля. Которая, может быть, ещё не умерла. Просто… спряталась.

Он посмотрел на свои руки. Они были грязными, заскорузлыми, с въевшейся в поры землёй. Но эта земля больше не пахла. Она была мёртвой.

— Не сейчас, — тихо сказал он. — Я не сдамся сейчас.

Часть 5. Фантомные боли садовода

Когда шум стих и люди начали обустраиваться в подземелье — кто-то разбивал лагерь, кто-то пересчитывал припасы, кто-то просто сидел и молчал, — Иван Петрович ушёл в самый дальний угол лаборатории. Там, у стены, стоял горшок с помидором.

Помидор, его старый враг и друг, который когда-то кусал его за пальцы, шипел на учеников и вообще вёл себя как последний гад, сегодня был тихим и неподвижным. Его стебель, обычно упругий и зелёный, поник. Листья, всегда агрессивно растопыренные, прижались к стеблю. Плоды, пульсировавшие зелёным светом, потускнели и съёжились.

— Ты тоже чувствуешь, — сказал Иван Петрович, опускаясь на колени перед горшком. — Земля умирает. Не от меча, не от огня — от… забвения. Её код переписывают. Её делают «идеальной». А идеальная земля — это мёртвая земля. Потому что жизнь — это хаос. Это неровности. Это цвет. Это запах. А у них — только серый квадрат.

Помидор не ответил. Он не шевелился, не шипел, не пытался укусить. Он просто сидел, безжизненный и пустой, как и всё, что коснулось серой заразы.

Иван Петрович протянул руку и коснулся его листа. Лист был твёрдым, холодным, безжизненным — как пластик.

— Прости, — тихо сказал он. — Я не уберёг и тебя.

Он закрыл глаза и попытался «услышать». «Шёпот флоры», который всегда был его главным инструментом, его глазами и ушами, его связью с землёй, сегодня молчал. Не было ни звука. Только тишина. Абсолютная, мёртвая тишина.

И в этой тишине Иван Петрович почувствовал то, чего боялся больше всего. Одиночество. Не физическое — вокруг были люди. Душевное. То самое, которое он чувствовал, когда только начинал, когда его убивали за семена моркови, когда он стоял на коленях на мёртвой земле и не знал, что делать дальше.

— Ты плачешь, — тихо сказала Whisper, подходя к нему.

— Не плачу, — ответил он, хотя голос его дрожал. — Глаза просто… сохнут.

Whisper опустилась рядом с ним на корточки и положила руку ему на плечо. Её пальцы были холодными, но живыми — в отличие от помидора.

— Я слышу, — сказала она. — Твою «песню». Она тихая, но она есть. Значит, ты ещё жив. Значит, земля ещё не умерла. Просто… спряталась. Глубоко. Там, куда этот серый квадрат не добрался.

— И где же это? — спросил Иван Петрович, открывая глаза.

— Не знаю, — честно ответила Whisper. — Но мы найдём. Вместе. Как всегда.

Он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул.

— Вместе, — сказал он. — Как всегда.

Он поднялся, опираясь на сапку, и посмотрел на лабораторию. Люди, которые когда-то были врагами, а теперь стали его семьёй, сидели в темноте и ждали. Ждали, что он скажет. Ждали, что он сделает. Ждали, что он спасёт их.

— Я не бог, — тихо сказал он сам себе. — Я просто фермер. Но, может быть, сейчас этого достаточно.

Часть 6. Осада логикой

Через час, когда первая паника улеглась, Иван Петрович собрал в центре лаборатории всех, кто мог пригодиться для совета. Гуннар, Ханзо, Эйнар, Кривой Нож, «Странник», Лиам и Мира. И, конечно, Whisper.

— Значит, так, — начал он, обводя взглядом собравшихся. — У нас есть три дня. Может, меньше. За это время мы должны понять, что это за «серый квадрат», как он работает и как его остановить.

— Может, договоримся с этими… разработчиками? — предложил Эйнар. — С теми, кто из «ЦифраСтроя»? Они же хотят денег. Может, скинемся?

— Не получится, — покачал головой «Странник». — Это не выкуп. Это захват. Они хотят не денег — они хотят контроля. Если мы заплатим один раз, они потребуют ещё. И ещё. Пока «Артара» не станет их серой пустошью.

— Согласен, — кивнул Иван Петрович. — С ними не договоришься. Их нужно… остановить. Но как? Мечом не возьмёшь. Лопатой не выкопаешь.

— Может, магией? — спросил Лиам. — Если собрать всех магов «Колхоза»…

— Бесполезно, — перебил его Ханзо. — Я проверял. Моя тень, когда касается серого квадрата, просто… исчезает. Не рассеивается — именно исчезает. Как будто её никогда не было.

— И мои клинки, — добавил Гуннар. — Я ударил по серой стене. Клинок прошёл сквозь неё, как сквозь воздух. Но когда я вытащил его, лезвие было… серым. И оно больше не режет.

— Значит, физическая сила бесполезна, — подвёл итог Эйнар. — Магия — тоже. Что остаётся?

— Код, — сказал Иван Петрович. — Это война на уровне кода. Мы должны найти того, кто понимает в этом толк.

— Но у нас нет программистов, — развёл руками Кривой Нож. — Мы — фермеры, воины, разбойники. Мы не умеем…

— А это кто? — прервал его Ханзо, указывая на угол лаборатории.

Там, прижавшись к стене, сидела девушка — одна из новеньких, пришедших в «Колхоз» после войны. Её ник был «Скриптум», и она никогда не участвовала в боях, только помогала с интерфейсами и настройками. Иван Петрович знал её как тихую, незаметную девицу, которая вечно возилась с какими-то табличками и ругалась на «кривые руки разработчиков».

— Скриптум, — позвал он. — Иди сюда.

Девушка поднялась и, неуверенно переступая, подошла к кругу. Её лицо было бледным, но глаза — живыми. В них горел тот самый огонёк, который Иван Петрович видел только у тех, кто знал то, чего не знали другие.

— Вы… вы меня звали? — спросила она, и голос её дрожал.

— Звали, — кивнул Иван Петрович. — Говорят, ты разбираешься в коде?

— Немного, — ответила Скриптум. — Я изучала системные файлы «Артары». Хотела понять, как работают растения. Ваши растения. Они… они устроены сложнее, чем кажется.

— Сейчас не о них, — перебил её Гуннар. — Сейчас о сером квадрате. Ты знаешь, что это?

— Знаю, — ответила Скриптум, и её голос стал твёрже. — Это… вирус. Внедрённый скрипт, который перезаписывает текстуры и коллизии. Он не убивает сервер — он его… заменяет. Как если бы вы взяли картину и закрасили её серой краской. Картина не исчезла, но её больше не видно.

— И как его остановить? — спросил Иван Петрович.

— Не знаю, — честно ответила Скриптум. — Но могу попробовать разобраться. Мне нужен доступ к системным логам. И время.

— Доступ к логам, — усмехнулся Ханзо. — У нас нет доступа даже к собственному интерфейсу.

— А у меня есть, — тихо сказала Whisper, и все повернулись к ней. — Я слышу код. Не как вы — как музыку. Если Скриптум объяснит, что искать, я смогу… услышать. Где ошибка, где сбой, где слабое место.

Иван Петрович посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом перевёл взгляд на Скриптум.

— Работайте в паре, — сказал он. — Ты говоришь — она слушает. Вместе вы — наш лучший шанс.

— А что будем делать мы? — спросил Гуннар.

— А вы, — Иван Петрович обвёл взглядом остальных, — будете делать то, что умеете лучше всего. Ждать. И верить. Что земля не умерла. Что мы найдём выход. Что серый квадрат — это не конец.

— А если найдём? — спросил Кривой Нож.

— Тогда, — Иван Петрович усмехнулся, — мы покажем этим «идеальным» строителям, что такое настоящая жизнь. С грязью, цветами и вредными помидорами.

Часть 7. Почва как иллюзия

Ночь в подземелье была тяжёлой. Не потому, что было холодно или голодно — припасов хватало. А потому, что каждый час, каждую минуту, каждое мгновение они слышали, как снаружи, над их головами, серый квадрат пожирает мир. Ни звука. Только тишина. Но в этой тишине было больше боли, чем в любом крике.

Иван Петрович не спал. Он сидел в углу лаборатории, прислонившись спиной к стене, и смотрел на свои руки. На них всё ещё была земля — та самая, которую он так любил. Но она больше не пахла. Она была просто… грязью. Мёртвой, безжизненной грязью.

Он закрыл глаза и попытался «услышать». «Шёпот флоры» молчал.

— Ну давай же, — прошептал он. — Ну отзовись. Ты же всегда отзывался. Даже когда я был один. Даже когда меня убивали. Даже когда казалось, что всё кончено. Ты был со мной. А теперь… где ты?

Тишина.

Иван Петрович открыл глаза и посмотрел на потолок. Там, наверху, был его мир. Его поля, его теплицы, его огурцы. Его Чёрный Цветок. Всё это теперь — серый квадрат. Идеальный, ровный, мёртвый.

— Деда, — раздался голос Кривого Ножа. Он сидел рядом, обняв ящик с семенами, и смотрел на учителя с тоской. — А что, если не получится? Что, если мы не найдём способ?

— Найдём, — ответил Иван Петрович. — Должны найти.

— А если нет?

Иван Петрович долго молчал. Потом, тяжело вздохнув, сказал:

— Тогда… тогда мы уйдём в другие сервера. Начнём заново. Найдём новую землю. Посадим новые семена. Вырастим новый «Колхоз». Потому что мы — не это место. Мы — люди. А люди могут выжить где угодно. Даже в сером квадрате.

— Ты в это веришь? — спросил Кривой Нож.

— Должен, — ответил старик. — Потому что если я перестану верить — мы все пропали.

Он снова закрыл глаза. И в этот момент — на миг, на одно короткое, почти незаметное мгновение — он почувствовал. Не звук — отголосок. Не «песню» — намёк на неё.

Земля была жива. Не здесь, наверху, не в этом сером аду. А там, внизу. Глубоко. Там, куда не добрался серый квадрат. Там, где корни, древние и могучие, всё ещё цеплялись за жизнь.

Он открыл глаза.

— Whisper, — позвал он. — Ты чувствуешь?

Она, сидевшая неподалёку, подняла голову. Её глаза были закрыты, но лицо выражало сосредоточенность.

— Да, — тихо сказала она. — Там, под нами. Код не стёрт. Он просто… ушёл вглубь. Спрятался. Ждёт.

— Ждёт чего? — спросил Кривой Нож.

— Нас, — ответил Иван Петрович. — Ждёт, когда мы придём и разбудим его.

Он поднялся, опираясь на сапку, и посмотрел на пол. Глиняные плиты, уложенные шахтёрами ещё во время войны, казались надёжными и прочными. Но под ними, он знал, было что-то ещё. Что-то, что не дало серому квадрату победить окончательно.

— Скриптум, — позвал он. — Ты говорила, тебе нужен доступ к системным логам.

— Да, — ответила девушка, подходя ближе. — Но у меня нет…

— А у меня есть, — перебил её Иван Петрович. — Не к логам — к земле. К той, которая ещё жива. Если ты объяснишь мне, что искать, я смогу… показать. Через «Шёпот флоры».

Скриптум посмотрела на него с удивлением.

— Но «Шёпот флоры» — это же… это не код, — сказала она. — Это… магия. Или что-то вроде.

— А что, если это одно и то же? — спросил Иван Петрович. — Что, если магия — это просто код, который мы не умеем читать? А земля — это база данных, которую мы не умеем запрашивать? Может быть, сейчас, когда всё остальное умерло, мы сможем… поговорить. По-настоящему. Не как фермер с растениями — как программист с системой.

Скриптум долго молчала, переваривая услышанное. Потом медленно кивнула.

— Попробуем, — сказала она. — Но я не обещаю, что получится.

— И не надо, — ответил Иван Петрович. — Главное — попытаться.

Часть 8. Старый принцип

Утром (если можно было назвать утром время, когда над подземельем всё ещё царил серый квадрат) Иван Петрович собрал всех.

— Значит, так, — сказал он, обводя взглядом уставшие, но не сломленные лица. — Мы нашли способ. Не лёгкий, не быстрый, не надёжный. Но это — шанс. Скриптум и Whisper будут работать вместе: одна — говорит, другая — слушает. Я помогу им, как смогу. А вы… вы будете ждать. И верить. Что земля не умерла. Что серый квадрат — это не конец. Что мы выживем.

— А если не выживем? — спросил кто-то из толпы.

— Тогда, — усмехнулся Иван Петрович, — мы хотя бы попробуем. А это уже много.

Он повернулся к выходу из лаборатории — туда, где за каменной плитой, за бетонной стеной, за серым квадратом, был его мир. Мёртвый? Или просто спящий?

— Я пойду первым, — сказал он. — Наверх. Посмотрю, что там. Может, найду то, что поможет.

— Один? — спросил Гуннар, и в его голосе прозвучала тревога.

— Один, — ответил Иван Петрович. — Так надо. Если я не вернусь через три часа… — он запнулся, подбирая слова. — Если я не вернусь, значит, не вернусь. Не ищите. Просто… продолжайте жить. И сажать. Где угодно. Хоть в сером квадрате. Потому что жизнь — она везде. Даже там, где кажется, что её нет.

Он подошёл к каменной плите, которая закрывала вход, и положил на неё руку. Камень был холодным, шершавым, но под ним, он знал, было что-то ещё. Жизнь. Надежда. Будущее.

— Деда, — сказал Кривой Нож, и его голос дрожал. — Ты вернёшься?

— Вернусь, — ответил Иван Петрович, не оборачиваясь. — Обещаю.

Он нажал на плиту, и она, подчиняясь древней механике, медленно отъехала в сторону. За ней был туннель. Серый, пустой, безжизненный. Но в конце туннеля, он знал, был свет. Не тот, который видно глазами — тот, который чувствуешь сердцем.

Иван Петрович шагнул в туннель.

— Я с тобой, — тихо сказала Whisper, появляясь рядом.

— Я знал, — ответил он. — Пошли.

Они пошли. Старый фермер и слепая лучница. По серому туннелю, к серому небу, к серому миру. Но в их сердцах был цвет. Цвет жизни. Цвет надежды. Цвет, который не мог стереть никакой квадрат.

А где-то там, в глубине подземелья, в ящике, который обнимал Кривой Нож, лежало семечко. Маленькое, коричневое, невзрачное. Оно не пульсировало, не светилось, не издавало ни звука. Но оно было живым.

Потому что жизнь всегда находит способ. Даже в сером квадрате.

Конец главы.

Глава 2. Асфальтовая чума

Часть 1. Утро, которого не было

Иван Петрович проснулся от тишины.

Не от той тишины, что бывает ранним утром в «Колхозе», когда птицы ещё не проснулись, а ветер не разогнал туман. Не от той, уютной, домашней тишины, когда слышно, как за стеной посапывает Whisper, а где-то в теплицах перешёптываются растения о ночном поливе. Не от той тишины, которая пахнет свежескошенной травой, влажной землёй и утренним чаем с мятой.

От другой тишины.

Мёртвой. Пустой. Беззвучной. Как в заброшенном доме, где много лет никто не жил, где воздух застыл, как желе, где каждый звук — даже собственное дыхание — кажется чужим и неуместным. Как в склепе. Как в могиле. Как в месте, где жизнь закончилась давно, но тело ещё не успело это понять.

Иван Петрович лежал на своей лежанке, укрытый старым, прожжённым в нескольких местах одеялом, и слушал. Слушал тишину. Всматривался в темноту. Ждал.

Обычно в это время — ещё до рассвета, когда лагерь спал, а над восточными полями висела бледная, предрассветная звезда, — он слышал, как просыпается земля. Не громко, не навязчиво — тихо, почти незаметно. Сначала лёгкое потрескивание — это корни расправляются после ночного отдыха. Потом тихий, едва уловимый шелест — это трава тянется к первым лучам солнца. Потом — запах. Сладковатый, терпкий, чуть горьковатый — запах росы, влажной земли и ещё чего-то, что невозможно описать словами, но можно узнать с закрытыми глазами.

Сегодня не было ничего.

Ни потрескивания. Ни шелеста. Ни запаха.

Только тишина. Абсолютная, всепроникающая, давящая на уши, как глубокая вода.

Он открыл глаза и сел. Лежанка скрипнула под ним — привычный, родной скрип старого дерева, который всегда был частью этого утра. Но сегодня даже этот скрип показался ему чужим. Слишком громким. Слишком резким. Словно он нарушал что-то, что должно было оставаться нетронутым.

Лаборатория, его подземное убежище, место, где он провёл сотни бессонных ночей над семенами и чертежами, где рождались «Ежи-пулемётчики» и «Сладкая Вата», где он плакал над погибшими растениями и смеялся над удачными экспериментами, выглядела чужой. Незнакомой. Как будто он попал в другое место, похожее на его лабораторию, но не её.

Магические кристаллы, те, что он зажёг перед сном — большие, в потолке, и маленькие, на стенах, — погасли. Не потухли, не выгорели, не рассыпались — погасли. Как выключенные лампочки. Как будто кто-то щёлкнул выключателем и ушёл. Навсегда.

Иван Петрович поднял голову. В темноте, наверху, он едва различал очертания свода — камни, скреплённые старым, ещё гномьим раствором. На этих камнях когда-то танцевали тени от кристаллов — живые, подвижные, похожие на причудливых зверей. Теперь камни были неподвижны. Они не отражали свет — потому что света не было. Они просто… были. Мёртвые, холодные, чужие.

С потолка не капала вода. Обычно в лаборатории всегда было влажно — грунтовые воды просачивались сквозь камни, и Иван Петрович поставил несколько глиняных горшков в углах, чтобы собирать капли. Вода была чистой, холодной, вкусной — он любил пить её по утрам, прямо из горшка, приговаривая: «Земля делится, а мы берём». Сегодня горшки были пусты. И сухи. Как будто вода испарилась. Или её никогда и не было.

Стены не потрескивали. Обычно старые гномьи кладки жили своей жизнью — камни дышали, расширялись от тепла, сжимались от холода, и этот тихий, едва уловимый треск был для Ивана Петровича такой же частью утра, как пение птиц наверху. Он даже не замечал его — пока оно не исчезло. Исчезло, оставив после себя пустоту, в которой каждый звук — даже собственное сердцебиение — казался неестественным, громким, почти агрессивным.

Воздух не двигался. Иван Петрович поднёс руку к лицу — никакого дуновения. Ни тёплого, поднимающегося от земли, ни холодного, опускающегося с поверхности. Никакого. Воздух стоял на месте, как студень, как желе, как что-то застывшее и мёртвое. Дышать было трудно — не потому, что воздуха не хватало, а потому, что он был… пустым. Без запахов. Без вкуса. Без жизни.

Словно время застыло.

Иван Петрович откинул одеяло. Ноги коснулись холодного, шершавого каменного пола — привычное ощущение, которое он знал тысячи раз. Но сегодня даже пол казался другим. Слишком холодным. Слишком твёрдым. Слишком… правильным. Как будто камни выровняли, отполировали, лишили тех мельчайших неровностей, которые делали их настоящими.

Он встал. Болела спина — виртуальная, но привыкшая к настоящей боли. Старость не обманешь даже в самой совершенной игре. Он крякнул, потянулся, хрустнул шеей — и замер. Звук собственных костей показался ему оглушительным. Как выстрел в пустой комнате. Как крик в храме.

Рядом, на соседней лежанке, свернувшись клубочком, спала Whisper. Её лицо, обычно спокойное и безмятежное во сне, было напряжённым. Брови сдвинуты, губы сжаты, тонкие пальцы, лежавшие поверх одеяла, чуть заметно подрагивали. Она слушала даже во сне. Но сегодня её «слушание» было похоже на попытку услышать музыку в заклеенной звукоизоляцией комнате. Она искала звуки, которых не было. И не находила.

Иван Петрович не стал её будить. Она заснула только под утро — после того, как всю ночь «слушала» серый квадрат, пытаясь понять его природу, его слабые места, его язык. У неё ничего не вышло. Квадрат не говорил. Он просто… был. Молчаливый, равнодушный, всепожирающий.

Он подошёл к столу, где вчера оставил свою кружку с остатками травяного отвара. Кружка стояла на том же месте — старая, глиняная, с потрескавшейся глазурью, которую он

принёс из реального мира. Подарок внука. «На, дед, будешь чай пить, как настоящий фермер». Он пил из неё каждый день. И каждый день вспоминал внука — того самого, который подарил ему VR-капсулу, который смеялся, когда Иван Петрович выбрал класс [Мирный Житель], который потом, когда «Колхоз» стал легендой, гордился дедом так, что лопался от восторга.

Кружка была на месте. Но отвар… отвар был серым.

Не прокисшим — серым. Не мутным — именно серым. Как будто кто-то взял пипетку и вытянул из него все цвета, оставив только бледную, безвкусную, почти прозрачную жижу. Иван Петрович наклонил кружку, посмотрел на свет — остатки отвара переливались, но не зелёным и не золотистым, как обычно, а каким-то тусклым, свинцовым оттенком. Цветом мёртвого неба. Цветом пепла. Цветом того, чего не должно быть в природе.

Он поднёс кружку к носу. Ни запаха. Ни мяты, ни луговых цветов, ни той горчинки, которая всегда напоминала ему о доме — о настоящем доме, где в саду росли яблони, а на веранде сушились пучки душицы и зверобоя. Ничего. Абсолютно ничего. Только… пустота. Химическая, стерильная, мёртвая пустота, которая не пахнет ничем, потому что для запаха нужны молекулы, а для молекул — жизнь.

Он сделал маленький глоток.

Жидкость была тёплой — это он заметил сразу. Тёплой, но не живой. Она не обжигала, не согревала, не растекалась по телу приятным теплом. Она просто… была. Как вода из-под крана в старом доме — безвкусная, безжизненная, чужая.

Иван Петрович поставил кружку на стол. Звук — глухой удар глины по дереву — прозвучал как приговор.

«Они убили даже чай», — подумал он. — «Они убили вкус, запах, цвет. Они сделали мир плоским. Идеальным. Мёртвым».

Он отошёл от стола и направился к выходу из лаборатории. Ноги дрожали — не от слабости, от предчувствия. Он знал, что увидит наверху. Он не хотел этого видеть. Но он должен был.

— Просыпайтесь, — сказал он, и его голос в мёртвой тишине прозвучал как выстрел. — Все. Быстро.

Часть 2. Серая граница

Люди зашевелились. Не резко, не испуганно — медленно, тяжело, как после долгой болезни. Сон был тяжёлым, липким — таким, после которого просыпаешься более уставшим, чем до него. С таким, который не приносит отдыха, а только выматывает, высасывает силы, оставляет после себя чувство пустоты и тоски.

Кто-то сел, кто-то вскочил, кто-то застонал, прогоняя остатки сна. Кривой Нож, спавший в обнимку с ящиком семян — он не отпускал его с тех пор, как серый квадрат появился, словно боялся, что семена исчезнут, если он отведёт взгляд, — поднял голову. Его лицо было серым — не от страха, от усталости. Под глазами залегли глубокие тени, губы потрескались, на щеке — след от гвоздя, на котором он приложился, когда укладывался спать.

— Деда? — спросил он, моргая спросонья. — Чего случилось?

— Случилось то, — ответил Иван Петрович, беря сапку и опираясь на неё, — что наш мир умирает. Не от меча и не от магии. От… безвкусицы. От пустоты. От того, что кто-то решил, что идеальный мир — это мир без шероховатостей, без запахов, без жизни. Пойдём, посмотрим.

Он направился к выходу из лаборатории. Туда, где за каменной плитой, за бетонной стеной, за серым квадратом, была его земля.

Шаги гулко отдавались в каменных сводах. Каждый шаг — как удар молота. Иван Петрович шёл медленно, опираясь на сапку, и думал о том, что когда-то эти коридоры были полны жизни. Здесь переругивались шахтёры, таская тяжёлые ящики с рудой. Здесь спорили Гуннар и Ханзо о том, что лучше — меч или лопата. Здесь Кривой Нож в сотый раз пытался объяснить новичкам, как правильно поливать огурцы, и в сотый раз путался в объяснениях.

Теперь коридоры были пусты. Не тихи — пусты. Как будто сама память о звуках исчезла, стёртая серым квадратом, который проникал даже сюда, в самое сердце подземелья.

У выхода уже стояли Гуннар и Ханзо. Они не спали — они дежурили. Гуннар в полных доспехах, с мечом на поясе — мечом, который уже начинал сереть на кончике. Ханзо — в своей привычной чёрной одежде, растворившийся в тенях, но присутствие его ощущалось — тихое, настороженное, готовое к удару.

— Что там? — спросил Иван Петрович, кивая на каменную плиту, закрывавшую выход.

— Плохо, — ответил Гуннар. — Оно поднялось. Серая дрянь теперь не только на поверхности. Она просочилась в щели. Я видел, как она течёт по стенам. Как вода. Только не вода — жижа. Густая, липкая, серая.

— Не жижа, — поправил его Ханзо из темноты. — Код. Жидкий код. Он запечатывает трещины, заполняет пустоты, делает стены непроницаемыми. Не для нас — для реальности. Он не даёт миру дышать.

Иван Петрович подошёл к плите и положил на неё руку. Камень был холодным — холоднее обычного. И гладким. Слишком гладким. Он провёл пальцами по поверхности — и не почувствовал привычных неровностей, царапин, выбоин. Камень был идеально ровным. Как будто его отполировали. Или переписали.

— Открывайте, — сказал он.

Гуннар и Ханзо налегли на плиту. Обычно она поддавалась легко — старый гномий механизм, смазанный магией, работал безотказно. Но сегодня плита не двигалась. Она была запечатана. Не камнем — той самой серой массой, которая просочилась в щели и застыла, как цемент.

— Не идёт, — сказал Гуннар, напрягаясь. — Она будто приросла.

— Не приросла, — сказала Whisper, подходя сзади. — Её код переписали. Раньше плита была объектом с параметрами «камень, дверь, открывается». Теперь она — часть серой стены. Её атрибуты изменились. Она не открывается, потому что у неё нет свойства «открываться».

— И что делать? — спросил Кривой Нож, подбегая с лопатой наперевес. — Ломать?

— Попробуй, — разрешил Иван Петрович.

Кривой Нож размахнулся и ударил лопатой по плите. Лезвие вошло в серую массу, как в масло — легко, почти без сопротивления. Но когда он попытался вытащить лопату, она не поддавалась. Серая масса обхватила лезвие, как клей, как смола, как зубы мертвеца.

— Тяни! — крикнул Гуннар, хватая Кривого Ножа за пояс.

Они потянули вместе. Лопата не двигалась. Только черенок начал гнуться, угрожая сломаться.

— Брось, — сказал Иван Петрович. — Бесполезно. Она уже не лопата. Она — часть стены.

Кривой Нож разжал пальцы. Лопата осталась торчать в плите — серая, безжизненная, наполовину съеденная. Черенок, ещё недавно деревянный и тёплый, теперь был холодным и гладким, как пластик.

— Моя лопата, — прошептал Кривой Нож, глядя на неё с такой болью, словно потерял друга. — Моя любимая лопата… Я ей столько грядок перекопал…

— Забудь, — сказал Гуннар, но в его голосе тоже была горечь. — Здесь всё становится чужим. Даже оружие. Даже камни. Даже мы, если не будем осторожны.

Он вытащил свой меч — тот самый, фамильный, с выгравированным гербом его клана. Иван Петрович видел этот меч в бою — он рубил щиты, пробивал броню, отражал заклинания. Теперь лезвие было тусклым, покрытым тонким слоем серого налёта. Кончик меча, который ещё вчера был острым, как бритва, стал тупым и скруглённым, как у учебного клинка.

— Видишь? — сказал Гуннар, показывая меч. — Оно жрёт металл. Не ржавчина — именно жрёт. Съедает код. Лезвие становится короче с каждым часом. Ещё день — и от меча останется только рукоять.

Иван Петрович взял меч в руки. Он был лёгким — слишком лёгким для стали. Как будто внутри него образовалась пустота. Он провёл пальцем по лезвию — оно не резало. Кожа не пострадала. Он мог бы провести по лезвию языком — и не порезался бы. Меч умер. Он стал муляжом. Красивой, но бесполезной игрушкой.

— Отойдите, — сказал Иван Петрович, отдавая меч.

Он подошёл к серой стене вплотную и положил на неё обе ладони.

«Шёпот флоры» отозвался — но не голосом земли. Голосом… статики. Белым шумом. Шипением пустоты. Как будто кто-то включил радио на несуществующей частоте и повернул ручку громкости на максимум, но вместо музыки услышал только треск помех.

Он закрыл глаза и попытался пробиться сквозь этот шум. Туда, где ещё жила память о земле.

«Нет почвы, — прошептал он про себя. — Нет базы. Нет слоя. Нет интерфейса. Нет жизни».

Он вспомнил свои первые дни в игре. Бесконечный инвентарь [Почва], который позволял ему носить землю в кармане. Тот самый баг, который сделал его фермером, когда вокруг были только камни и кровь. Тот самый баг, над которым смеялись ганкеры — «Смотрите, старик землю в карманах таскает!» — пока не наступили на тыкву-мину.

Теперь этого бага не было. Система удалила его. Заменила на… пустоту.

Концепция почвы исчезла из кода. Не засохла, не умерла — исчезла. Как будто её никогда и не было.

Иван Петрович открыл глаза. Стена перед ним была серой. Гладкой. Идеальной. Без единой трещины, без единой неровности, без единого намёка на то, что за ней есть что-то, кроме неё самой.

— Деда, — позвал Кривой Нож. Он стоял у дальней стены, там, где вчера лежали ящики с удобрениями. Его голос дрожал. — Смотри.

Часть 3. Удобрения стали пылью

Иван Петрович подошёл к ящикам.

Их было десять. Большие, деревянные, сколоченные руками мастеров «Колхоза» из старого, но крепкого дерева. В них хранилось то, что было важнее золота, важнее магических артефактов, важнее любого оружия. Удобрения. Смесь перегноя, золы, измельчённых спор и ещё десятка компонентов, которые Иван Петрович собирал годами, экспериментируя, смешивая, пробуя.

В каждом ящике была своя история. В первом — удобрение для «Золотой пшеницы», которое увеличивало урожайность в три раза. Во втором — для «Ежей-пулемётчиков», чтобы шипы росли быстрее и острее. В третьем — для Чёрного Цветка, особая смесь из пепла сожжённых полей и слёз, пролитых над погибшими друзьями.

Иван Петрович открыл первый ящик.

Внутри была серая пыль.

Не грязь, не пепел, не земля — именно пыль. Мелкая, сухая, безжизненная. Она не пахла ничем — ни перегноем, ни золой, ни спорами. Она была такой же пустой, как и серый квадрат снаружи.

Он запустил руку в ящик. Пыль просочилась сквозь пальцы, как песок сквозь пальцы ребёнка на берегу моря. Тёплая — странно, но тёплая, — но мёртвая.

— Удобрения мертвы, — сказал Кривой Нож, и в его голосе была такая боль, словно он хоронил друга. — Всё, что мы копили годами, всё, что дедушка создавал в лаборатории, всё, что кормило нас и защищало от врагов, — пыль. Серая, бесполезная пыль.

Иван Петрович открыл второй ящик. Та же пыль. Третий. Четвёртый. Все десять.

Он закрыл последний ящик и медленно, очень медленно, выпрямился.

— Не мертвы, — сказал он, и его голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало. — Переписаны. Их код заменили на нули. На пустоту. Это не смерть — это… удаление. Как будто их никогда и не было.

— Есть разница? — спросил Кривой Нож, и в его глазах стояли слёзы.

— Есть, — ответил Иван Петрович. — Мёртвое можно воскресить. Удалённое — нет. Но можно создать заново. С нуля. Из ничего. Мы это делали раньше. Сделаем и сейчас.

Он повернулся к лаборатории. Люди стояли, смотрели на него, ждали. В их глазах был страх. Не тот, который бывает перед битвой, когда знаешь, что можешь умереть, но можешь и победить. Другой страх. Безысходность. Страх перед тем, что нельзя победить, потому что не с чем драться. Потому что нет врага. Есть только пустота. И она растёт.

— Скриптум, — позвал он.

Девушка-кодер, которая всю ночь сидела с Whisper, слушая «песни» умирающего мира, подняла голову. Она сидела в углу, обхватив колени руками, и её ноутбук — старый, потрёпанный, с заклеенной изолентой крышкой — лежал рядом. Её лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени, губы потрескались. Но в глазах горел тот самый огонёк — огонёк человека, который знает, что делать, даже когда всё вокруг рушится.

— Я слушаю, — сказала она, вставая.

— Ты говорила, что можешь анализировать код. Проанализируй эту стену. Найди её слабое место.

— Слабое место есть, — ответила Скриптум, подходя ближе. — Оно не в стене. Оно под нами.

Она указала на пол. Там, где старые глиняные плиты расходились, образуя трещину — старую, забытую, которую шахтёры не стали заделывать, потому что она была слишком маленькой и слишком глубокой. Мелочь. Но сейчас из этой трещины, едва заметно, пробивался свет. Не серый, как всё вокруг. Зелёный. Тусклый, умирающий, но живой.

— Что это? — спросил Гуннар, приседая на корточки.

— Это — корень, — ответила Whisper, которая подошла незаметно, как тень. Она опустилась на колени рядом с трещиной и положила на неё ладонь. Пальцы её дрожали — не от холода, от волнения. — Тот самый, древний. Он ещё жив. Вирус не смог его сожрать, потому что корень старше вируса. Он — часть основы. Базы данных игры. Код, на котором писалась «Артара» много лет назад, до того, как пришли эти… строители.

Иван Петрович опустился на колени и коснулся трещины. Пальцы почувствовали тепло. Слабое, почти незаметное, но живое. Как дыхание спящего зверя. Как пульс старого человека. Как надежда.

— Значит, земля не умерла, — сказал он. — Она просто ушла вглубь. Спряталась. Ждёт.

— Да, — кивнула Скриптум. — Но если мы не остановим серый квадрат, рано или поздно он доберётся и до корней. И тогда… тогда «Артары» не станет. Не только нашего сервера — всей игры. Потому что корни — это не просто код. Это — память. Память о каждом растении, о каждом игроке, о каждом событии. Если они умрут — умрёт всё.

В лаборатории стало тихо. Люди переглядывались, и в их глазах отражался один и тот же вопрос: «Что делать?».

Иван Петрович медленно, очень медленно поднялся. Опираясь на сапку, он выпрямился и обвёл взглядом собравшихся.

— Мы будем спускаться, — сказал он. — К корням. Найдём то место, где код ещё жив. И попробуем его защитить.

Часть 4. Бесконечный инвентарь, ставший кладбищем

Прежде чем идти дальше, Иван Петрович решил проверить кое-что важное.

Он открыл инвентарь.

Это было странное чувство — заглядывать внутрь себя, в ту самую бездонную сумку, где хранились семена, инструменты, запасные грядки и тот самый мешочек с [Почвой], который он нёс с собой с самого первого дня. Когда-то инвентарь был его гордостью — бесконечный, вместительный, организованный. В нём царил порядок, который понимал только он сам: слева — семена, справа — инструменты, в глубине — трофеи, а в самом дальнем углу — то, о чём он давно забыл, но когда-нибудь обязательно вспомнит.

Теперь инвентарь выглядел иначе.

Не как список предметов — как кладбище.

Вместо привычных иконок с картошкой, морковью, лопатами и удобрениями, он видел серые квадраты. Много серых квадратов. Десятки. Сотни. Каждый квадрат — это то, что было. То, что он собирал годами. То, что кормило его людей. То, что защищало их от врагов. То, что напоминало ему о победах и поражениях, о радости и горе, о жизни и смерти.

Теперь — пустота.

Он провёл пальцем по интерфейсу, прокручивая страницы. Семена «Золотой пшеницы» — серый квадрат. «Гнилой Картофель» — серый квадрат. Споры «Сладкой Ваты» — серый квадрат. Чертежи «Ежей-пулемётчиков» — серый квадрат. Запасные лопаты, грабли, мотыги — всё серое. Всё мёртвое. Всё стёртое.

Он остановился на одном квадрате — том, где раньше лежала грядка с «Золотой пшеницей». Та самая, которую он вырастил в первую неделю после войны с «Ястребами», когда понял, что еда — это оружие. Та самая, которая дала бафф на +50% к урону и заставила топ-гильдии всего сервера охотиться за его семенами. Та самая, с которой всё началось — его восхождение от никому не нужного фермера до теневого правителя сервера.

Он нажал на квадрат.

Системное сообщение вспыхнуло перед глазами:

«ОШИБКА 0x0000F1A2: Объект [Почва] не найден в локальной базе данных. Концепция [Почва] деактивирована скриптом „Идеальный мир 2.0“. Для получения дополнительной информации обратитесь к администратору сервера».

Иван Петрович прочитал сообщение раз, другой, третий. Потом медленно, очень медленно, закрыл окно инвентаря.

— Концепция [Почва] деактивирована, — повторил он вслух, пробуя слова на вкус. — Они убили не мою землю. Они убили само понятие земли. Для системы почвы больше нет. Есть только… поверхность.

— Идеальная поверхность, — добавил Эйнар, который стоял рядом и тоже проверял свой инвентарь. — Без неровностей, без грязи, без жизни. Как в дешёвом симуляторе двадцатилетней давности. Помните такие? Где текстуры — однотонные, объекты — простые формы, а физика — никакая.

— Помню, — сказал Иван Петрович. — Мы такими не играли. Мы в них жили. Потому что другого не было. А теперь кто-то хочет вернуть нас в прошлое. В пустое, безвкусное, идеальное прошлое.

Он посмотрел на свои руки. Заскорузлые, покрытые шрамами, с въевшейся в поры землёй. Но эта земля больше не пахла. Не пахла ничем. Он поднёс руку к носу — ничего. Только запах его собственной кожи, сухой и безжизненной. Как будто он никогда не копал, не сажал, не поливал. Как будто вся его жизнь в этой игре была сном. Теперь закончившимся.

— Деда, — позвал Кривой Нож, подходя ближе. — А что насчёт помидора? Твоего, вредного? Он же в горшке стоял. На почве.

Иван Петрович не хотел смотреть в тот угол. Он знал, что увидит. Но он повернулся.

Горшок был на месте. Старый, глиняный, с трещиной на боку — помидор однажды рассердился и ударил его со всей силы, отчего горшок чуть не разбился. Иван Петрович тогда залепил трещину глиной и сказал: «Сиди смирно, а то в ведро пересажу». Помидор обиделся и не кусался целых три дня.

Теперь горшок стоял, как и прежде, в углу. Но помидора в нём не было.

Вместо зелёных листьев, вместо пульсирующих плодов, вместо того вредного, кусачего, но такого родного существа, которое было с ним с первых дней, в горшке лежала серая кучка. Похожая на пепел. Похожая на пыль. Похожая на то, что остаётся, когда жизнь уходит, не прощаясь.

Иван Петрович подошёл к горшку, опустился на колени и запустил руку в серую массу. Она была тёплой — как будто жизнь ушла только что, минуту назад. Как будто помидор ещё дышал, ещё думал, ещё злился. Но он не дышал. Он был мёртв. Абсолютно, безвозвратно, бесповоротно мёртв.

Он сжал пальцы, и серая пыль просочилась сквозь них, как песок сквозь пальцы ребёнка на берегу моря. Только это был не песок. Это был помидор. Тот, который рос, злился, кусался, обижался, мирился, снова кусался. Тот, который был частью «Колхоза». Тот, который был… семьёй.

— Прости, — тихо сказал Иван Петрович. — Я не уберёг. Я должен был догадаться. Должен был унести тебя в подземелье раньше. Должен был…

Он не договорил. Голос сорвался.

В лаборатории стало тихо. Даже Гуннар, который всегда ворчал на помидор («эта колючая зараза»), опустил голову. Даже Ханзо, чьё лицо никогда не выражало эмоций, отвернулся к стене. Даже Кривой Нож, который однажды пытался подружиться с помидором и был искусан за все пальцы — даже он вытер глаза рукавом.

Whisper подошла и положила руку ему на плечо. Её пальцы были холодными, но живыми — в отличие от того, что осталось в горшке.

— Его «песня» оборвалась, — сказала она. — Не затихла — оборвалась. Как струна, которую перерезали. Но он умер не зря. Он показал нам, как работает вирус.

— Как? — спросил Иван Петрович, не поднимая головы. Его голос был глухим, чужим — как будто говорил не он, а кто-то другой.

— Вирус не убивает растения. Он удаляет их код. Но помидор сопротивлялся. Дольше, чем другие. Потому что он был… вредным. Его код был сложнее. Он мутировал, адаптировался, искал лазейки. Вирусу пришлось потратить на него больше времени, чем на «Золотую пшеницу» или «Ежей». Если мы сможем создать что-то, чей код будет ещё сложнее — что-то, что вирус не сможет переписать за раз, — у нас появится шанс.

Иван Петрович поднял голову и посмотрел на неё. В глазах Whisper, обычно спокойных и отстранённых, сейчас горел огонь. Тот самый, который он видел у неё только в самые отчаянные моменты. Тот, который говорил: «Мы не сдадимся. Даже когда всё против нас».

— Создать что-то, — повторил он. — На мёртвой земле. Без почвы. Без семян. Без «Шёпота флоры».

— Да, — кивнула Whisper. — Именно.

Часть 5. Окно в бетонный мир

Через час, когда паника в лаборатории немного улеглась и люди начали распределять припасы — кто-то считал воду, кто-то проверял ящики с семенами, кто-то молился тем богам, в которых верил, — Иван Петрович решился на то, чего боялся больше всего.

Он вышел на поверхность.

Не через главный выход — он был запечатан наглухо серой массой, которая застыла, как цемент. Не через западный — там обрушился потолок ещё во время войны с «Ястребами». Через старый, забытый всеми лаз, который когда-то прорыли шахтёры Razor'а для эвакуации. Лаз, о котором знали только самые старые члены «Колхоза». Лаз, который вёл прямо на восточную окраину, туда, где когда-то была свалка старых инструментов.

Лаз был узким, низким — пришлось ползти на четвереньках, и каждый сантиметр пути давался с трудом. Колени болели, локти саднили, спина ныла от неудобной позы. Иван Петрович полз и думал о том, что когда-то этими ходами пользовались шахтёры — молодые, сильные, неутомимые. Теперь он полз здесь, старик, за которым — шестьдесят три человека, ждущих его возвращения.

Стены лаза были влажными, скользкими, но не от воды. От какой-то маслянистой, серой субстанции, которая покрывала камни тонкой, липкой плёнкой. Она пахла озоном — резко, химически, неприятно — и ещё чем-то, что напоминало запах нового пластика. Искусственным. Мёртвым.

Whisper ползла за ним, положив руку ему на пятку, чтобы не потеряться в темноте. Её дыхание было ровным, спокойным — она не боялась. Она слушала. Слушала то, что происходило наверху. Слушала то, что он не мог услышать.

— Что ты слышишь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ничего, — ответила она. — Абсолютно ничего. Мир молчит. Даже ветра нет. Даже птиц. Даже насекомых. Только… гул. Очень низкий, очень далёкий. Как работающий сервер. Или как кондиционер. Или как… как кто-то дышит. Но не человек. Машина.

Иван Петрович вылез на поверхность в том месте, где когда-то была восточная окраина «Колхоза». Теперь это место нельзя было узнать.

Серая пустошь простиралась до горизонта.

Ровная, гладкая, без единой неровности. Ни травинки, ни кустика, ни камня. Только серая, бесконечная плоскость, которая уходила вдаль и сливалась с серым небом. Горизонта не было — серая земля и серое небо соединялись в одной линии, но эта линия была размытой, нечёткой, как будто мир не могли дорисовать.

Небо тоже было серым. Без облаков, без солнца, без звёзд. Просто однородная, бесцветная масса, которая давила на глаза, заставляла их слезиться, вызывала головную боль. Иван

Петрович поднял голову и посмотрел вверх — ничего. Ни света, ни тьмы. Только серая бесконечность.

Он сделал шаг вперёд и оглянулся.

Там, где когда-то стояли теплицы, теперь возвышались серые кубы. Не дома, не строения — именно кубы. Геометрически правильные, с идеально прямыми углами и гладкими, как стекло, стенами. Окна? Двери? Нет. Только кубы. Стоящие в ряд. Безликие. Мёртвые. Как гробы. Как саркофаги. Как памятники самим себе.

Иван Петрович подошёл к одному из кубов и провёл по его стене рукой. Поверхность была холодной и гладкой — такой гладкой, что палец скользил без малейшего сопротивления. Ни царапинки, ни пылинки, ни следа времени.

Он постучал костяшками. Звук был глухим, неестественным — не «тук-тук», а «п-ш-ш», как будто он стучал по поролону. Или по мёртвой плоти.

— Что это? — спросила Whisper, которая выбралась следом и стояла рядом, прислушиваясь.

— Не знаю, — ответил Иван Петрович. — Но догадываюсь. Это — то, во что превратились наши теплицы. Наши грядки. Наш Чёрный Цветок. Серые кубы. Идеальные. Пустые. Мёртвые.

Он отошёл от куба и пошёл дальше. Туда, где когда-то был центр «Колхоза». Где стояла площадь, где собирались игроки по вечерам, где Whisper слушала «песни» мира, а он пил чай, сидя на жернове у Чёрного Цветка.

Площади не было.

Вместо неё — ещё один серый куб. Больше остальных. Высотой в два этажа, с такой же идеально гладкой поверхностью. Без дверей, без окон, без намёка на то, что внутри может быть что-то, кроме пустоты.

Иван Петрович остановился перед ним и долго смотрел.

— Здесь был Чёрный Цветок, — тихо сказал он. — Я помню каждую его пульсацию. Каждый его лепесток. Каждый его запах. А теперь… теперь он — куб. Красивый, ровный, правильный. Идеальный. Но мёртвый.

Он опустился на колени и коснулся основания куба. Там, где когда-то из земли пробивались корни Чёрного Цветка — сильные, глубокие, уходящие в самое сердце сервера. Теперь там была только серая плоскость. Без трещин, без неровностей, без жизни.

Иван Петрович закрыл глаза и попытался «услышать». «Шёпот флоры» отозвался — но не голосом земли. Голосом… тишины. Абсолютной, всепроникающей, давящей тишины. Как будто он стоял в центре глухого поля, где не растёт ничего, потому что ничего не может расти.

Он открыл глаза.

— Пошли, — сказал он. — Здесь больше нечего делать.

Они вернулись в лаз. Whisper ползла первой — она слышала, где сужается проход, где нужно пригнуться, где можно выпрямиться. Иван Петрович полз за ней, тяжело дыша, и думал о том, что когда-то этот мир был полон жизни. А теперь он стал — серым квадратом.

Часть 6. Whisper и танец пустоты

Whisper не пошла с ним на поверхность до конца. Она остановилась у выхода из лаза, в нескольких метрах от серой пустоши, и села на корточки, положив ладони на землю. Не на серую, искусственную поверхность — на ту, последнюю, что ещё оставалась у входа, под слоем каменных плит. Землю, которая ещё дышала. Слабо, едва заметно, но дышала.

Её лицо было бледным, тонкие пальцы лежали на камнях неподвижно, и она слушала. Слушала не ушами — всей собой. Каждой клеткой. Каждым нервом. Каждой частицей того странного дара, который позволял ей слышать «песни» мира.

Теперь она слышала только статику.

— Я слышу, как код переписывается, — сказала она, когда он вернулся. Голос её был тихим, ровным, но в нём чувствовалось напряжение. — Это похоже на… скрежет. Как будто кто-то чертит по стеклу ножом. Каждый раз, когда вирус находит новый объект, он издаёт звук. Высокий, противный, режущий уши. Я никогда не слышала ничего подобного.

— Сколько объектов осталось? — спросил он, садясь рядом и кладя сапку на колени. Сапка, которая когда-то была его оружием, его инструментом, его символом, теперь казалась бесполезной. Простая деревянная палка с железным наконечником. Ничего больше.

— Не знаю, — ответила она. — Но с каждым часом их становится всё меньше. Наш «Колхоз» почти стёрт. Теплицы, грядки, даже камни — всё превращается в эти… кубы. Серые, правильные, пустые. Я слышу, как они растут. Как сжимаются. Как заменяют собой жизнь.

— А люди? — спросил он. — Игроки? Те, кто остался наверху?

— Я не слышу их, — голос Whisper дрогнул впервые за весь разговор. — Только несколько «песен» вдалеке. Очень далеко. На границе сервера. Может, они успели убежать. Может, их просто не задело. Но здесь, в «Колхозе», никого нет. Только мы. И серый квадрат.

Она замолчала. Потом добавила тихо, почти шёпотом:

— Дедушка, у меня больше нет «песен». Я слышу только шум. Статику. Белый шум. Мои растения, которые я растила, с которыми разговаривала, которые любили меня… они замолчали. Навсегда. Я не знаю, умерли они или просто… перестали быть. Но их нет. Их голосов нет. Я одна в этом мире звуков. Как будто все вокруг оглохли. Или я ослепла. Или мир кончился.

Иван Петрович обнял её за плечи. Она была такой хрупкой, такой маленькой, такой живой среди этой мёртвой пустоты. Он чувствовал, как она дрожит — не от холода, от потери. От осознания того, что всё, что она знала, всё, что она любила, исчезло. Превратилось в серую пыль. В серые кубы. В серую пустоту.

— Мы вернём их, — сказал он. — Обещаю.

— Как? — спросила она, и в её голосе не было надежды — только боль. — Как ты вернёшь то, чего больше нет? Как ты воскресишь мёртвых, если у тебя нет даже семян? Как ты посадишь цветы на бетоне?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но мы вернём. Потому что мы — Агроном и Почва. Мы — одно. Если нас не будет, кто тогда будет сажать цветы? Кто будет слушать «песни»? Кто будет помнить, каким был этот мир до того, как стал серым?

Она не ответила. Только прижалась к нему крепче, и в этом прикосновении было больше слов, чем в любых клятвах.

Часть 7. Подсчёт потерь

Они вернулись в лабораторию через час. За это время Иван Петрович обошёл всё, что осталось от «Колхоза» на поверхности. Он видел серые кубы вместо теплиц. Серые плоскости вместо грядок. Серую пустоту вместо неба. Он видел, как мир умирает. И он знал: если они ничего не сделают, через три дня — или раньше — от «Артары» останется только серый квадрат. Идеальный, ровный, пустой. Как могильная плита.

В лаборатории его ждали. Все шестьдесят три человека. Они сидели у стен, на ящиках, на полу, на лежанках — кто где. Они смотрели на него. Ждали. Верили. Потому что он был Агроном. Потому что он никогда не подводил. Потому что если не он, то кто?

Иван Петрович встал в центре лаборатории, опираясь на сапку, и обвёл взглядом собравшихся.

— У нас осталось три дня, — начал он. Голос его был хриплым, но твёрдым. — Может, меньше. Серый квадрат жрёт наш мир. Он уже уничтожил «Колхоз». Теплицы, грядки, Чёрный Цветок — всё это теперь серые кубы. Наша земля превратилась в бетон. Наша еда — в пыль. Наши растения — в воспоминания.

Он замолчал, давая этим словам осесть. Кто-то в толпе всхлипнул. Кто-то сжал кулаки. Кто-то просто опустил голову.

— Но мы живы. Мы — шестьдесят три человека. У нас есть вода, еда на неделю, семена в ящиках. У нас есть инструменты, оружие, магия. У нас есть вы. И у нас есть корни. Те самые, древние, которые уходят в самое сердце игры. Они ещё живы. И пока они живы — у нас есть шанс.

— Что мы должны делать? — спросил Гуннар, скрестив руки на груди. Его меч, съеденный серой заразой, валялся в углу — бесполезный кусок металла. Но в его глазах всё ещё горел боевой огонь. Он был воином. Он не сдавался. Даже когда нечем было драться.

— Во-первых, — ответил Иван Петрович, — мы пересчитываем ресурсы. Всё, что есть. Воду, еду, семена, инструменты. Распределяем поровну. Никакой паники, никакой жадности. Мы — «Колхоз». Мы делимся.

— Во-вторых, — он поднял второй палец, — мы ищем способ бороться. Скриптум и Whisper будут работать вместе. Они анализируют код серого квадрата. Ищут слабое место. Если найдут — мы нанесём удар.

— В-третьих, — третий палец, — мы готовимся к эвакуации. Если серый квадрат доберётся до подземелья, мы уходим в шахты. Там, глубоко, есть старые туннели, которые ведут к границе сервера. Может, там ещё есть жизнь.

— А если нет? — спросил Кривой Нож. — Если вся «Артара» уже серая? Если другие сервера тоже заражены? Если нам некуда бежать?

— Тогда, — Иван Петрович посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, — мы выйдем в реальный мир. Отключимся от игры. И подумаем о том, что делать дальше. Но сейчас, пока есть шанс, мы боремся.

— Деда, — сказал Кривой Нож, и его голос дрожал. — А если мы проиграем? Если этот серый квадрат сожрёт всё? Если мы умрём здесь, в этом подземелье, и никто не вспомнит о нас?

— Тогда, — ответил Иван Петрович, и его голос стал твёрже, чем когда-либо, — мы скажем себе: мы сделали всё, что могли. Мы не сдались. Мы боролись до конца. И это — главное. Победа не всегда означает, что ты выжил. Иногда победа — это просто то, что ты не сломался. Что ты остался человеком. Даже когда мир вокруг стал серым.

В лаборатории стало тихо. Люди переглядывались, кивали, сжимали кулаки. Страх никуда не делся — он сидел в каждом, липкий и холодный, как тот самый серый квадрат. Но вместе со страхом в их глазах загорался другой огонь. Огонь сопротивления. Огонь жизни. Огонь надежды.

Часть 8. Трещина как надежда

Вечером (или тем, что осталось от вечера в этом сером мире, где не было ни солнца, ни луны, ни звёзд) Иван Петрович сидел у трещины в полу, из которой пробивался слабый зелёный свет. Рядом сидела Скриптум, положив на пол ноутбук — не игровой, настоящий, из реального мира, который она каким-то чудом протащила в игру через интерфейс. Ноутбук был старым, потрёпанным, с заклеенной изолентой крышкой и клавиатурой, на которой стёрлись буквы. Но он работал. И это было чудом.

— Смотрите, — сказала Скриптум, разворачивая экран. — Я запустила анализатор кода. Вот эти строки — оригинальный код «Артары». А вот эти — тот, который внедрил вирус.

Она ткнула пальцем в монитор. Иван Петрович наклонился, но ничего не понял. Для него это были просто буквы, цифры и странные символы — иероглифы нового мира, который он не понимал. Но Скриптум говорила с такой уверенностью, что он верил каждому её слову.

— Вирус переписывает всё, что связано с понятием «почва». Он удаляет текстуры, коллизии, даже скрипты взаимодействия. В его логике нет места для грязи, неровностей, органики. Только гладкие поверхности, правильные формы, идеальные пропорции. Это как если бы вы взяли картину Ван Гога и закрасили её серой краской. Картина не исчезла — но её больше не видно.

— Идеальные, — повторил Иван Петрович с горечью. — Ненавижу это слово. Оно пахнет смертью. Оно пахнет пустотой. Оно пахнет теми, кто не понимает, что жизнь — это хаос. Это неровности. Это ошибки. Это грязь.

— Я тоже, — кивнула Скриптум. — Но вот что интересно. Вирус не трогает то, что старше его. Вот эти строки — код древних корней. Он написан на другом языке. Более старом, более сложном. Вирус не может его переписать — он его не понимает. Он пытается, но каждый раз получает ошибку. «Неизвестная команда». «Неверный формат». «Доступ запрещён».

Она показала на монитор. Там, среди серых, однообразных строк, выделялись несколько золотистых — живых, пульсирующих, сложных.

— Значит, корни — наша защита? — спросил Иван Петрович.

— Не только защита, — ответила Скриптум, и в её глазах загорелся тот самый огонёк. — Они — наш щит. И, возможно, наше оружие. Если мы сможем «подключить» к корням новые растения — растения, которые будут написаны на этом же древнем языке, — вирус не сможет их стереть. Они будут расти на бетоне. Они будут дышать в пустоте. Они будут жить там, где жизнь невозможна.

— А как мы напишем растения на древнем языке? — спросил Иван Петрович. — Я — агроном, а не программист. Я умею сажать, поливать, удобрять. Я не умею писать код.

— А я — программист, а не агроном, — улыбнулась Скриптум. — Я умею писать код, но не умею чувствовать землю. Но вместе, возможно, мы сможем… создать гибрид. Ваше умение

чувствовать землю и моё — читать код. Вы будете говорить — я буду переводить. Вы будете сажать — я буду прописывать. Мы сделаем это вместе. Как всегда.

Она замолчала, потом добавила тише:

— Но для этого нужно спуститься к корням. Вживую. Коснуться их. Понять, как они устроены. Увидеть их код не на экране — в реальности. Это опасно. Мы не знаем, что там, внизу. Может быть, там тоже серый квадрат. Может, там ничего нет. Может, там — смерть.

Иван Петрович долго смотрел на трещину, из которой пробивался слабый зелёный свет. Потом медленно кивнул.

— Готовьте экспедицию, — сказал он. — Я пойду первым.

Часть 9. Ночь перед спуском

Ночь (или то, что осталось от ночи в этом сером мире, где время потеряло смысл, а дни и ночи слились в одну бесконечную, серую пустоту) Иван Петрович не спал. Он сидел у входа в лабораторию, опираясь на сапку, и смотрел на серую стену, которая когда-то была выходом на поверхность. Рядом, свернувшись клубочком, спала Whisper. Её лицо, обычно спокойное, было напряжённым даже во сне — она продолжала слушать. Слушать тишину. Слушать пустоту. Слушать то, чего не было.

Иван Петрович думал.

Он думал о том, как всё начиналось. Как он, старый агроном на пенсии, которого внук уговорил «попробовать эту новую штуку — виртуальную реальность», впервые зашёл в игру. Как он выбрал класс [Мирный Житель], потому что не хотел воевать. Как его убивали за семена моркови — три раза за первые десять минут. Как он возрождался и шёл снова. Как он нашёл заброшенный клочок земли у старой мельницы. Как посадил первое семечко.

Тогда земля была мёртвой. Каменистой, сухой, безжизненной. Но она была — земля. Он чувствовал её под пальцами, нюхал её запах, слышал её тихий, едва уловимый шёпот. И он знал: если копать, поливать, удобрять — она оживёт.

Теперь земли не было. Вообще. Не мёртвой — отсутствующей. Её концепцию удалили из кода. Вместо неё — бетон. Идеальный, ровный, пустой. На котором ничего не может вырасти, потому что для роста нужно за что-то цепляться. Нужны неровности. Нужны трещины. Нужна грязь. Нужна жизнь.

«Но я цепляюсь, — подумал он. — Я цепляюсь за жизнь. За воспоминания. За надежду. Даже когда вокруг один бетон. Даже когда мир стал серым. Даже когда кажется, что всё кончено».

Он вспомнил помидор. Вредного, кусачего, который однажды не полил, и тот запомнил на всю жизнь. Помидор мстил ему каждый день — кусал за пальцы, шипел на учеников, пытался сбежать из горшка. Но он был живым. Он был частью «Колхоза». Он был… семьёй.

Теперь помидора не было. Осталась только серая кучка в горшке. Напоминание о том, что даже самая живая жизнь может превратиться в пыль. Если не защищать её. Если не бороться. Если сдаться.

— Я не сдамся, — сказал он вслух. Голос его был тихим, но твёрдым. — Даже если останусь один. Даже если вокруг будет только бетон. Я найду трещину. Я пробьюсь сквозь неё к корням. И я выращу новый сад. Назло им. Назло этому «идеальному миру». Назло тем, кто думает, что жизнь можно переписать кодом.

Whisper, не открывая глаз, чуть заметно улыбнулась. Она слышала его «песню» — ту самую, которая была тихой, но живой. Она знала: он не сдастся. Потому что он — Агроном. Потому что он — её дедушка. Потому что он — тот, кто сажает цветы даже на пепелище. Даже на бетоне. Даже в сером квадрате.

Часть 10. Инвентарь пуст, но руки помнят

Утром (если можно было назвать утром время, когда над подземельем всё ещё царил серый квадрат, а часы на стене показывали, что прошло уже двенадцать часов с тех пор, как они спустились) Иван Петрович открыл инвентарь в последний раз.

Серые квадраты. Много серых квадратов. Десятки. Сотни. Каждый — память о том, что было. О моркови, которую он сажал в первый день, когда его руки дрожали от страха и холода, а земля была твёрдой, как камень. О «Золотой пшенице», которая спасла сервер от голода, когда топ-гильдии готовы были убивать друг друга за кусок хлеба. О «Гнилом Картофеле», который остановил армии, превратив врагов в зомби-рассаду. О «Сладкой Вате», которая усыпляла целые батальоны, не пролив ни капли крови. О «Ежах», «Поганках», «Колючках», «Цепком плюще» — всём том, что когда-то было его оружием, его защитой, его гордостью.

Всё это исчезло. Стёрто. Переписано. Заменено на пустоту.

Но в самом дальнем углу инвентаря, там, где он хранил то, о чём давно забыл, остался один объект. Не серый. Не пустой. Он назывался просто: «Семечко. Неизвестного происхождения. Посажено в первый день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.